

Лит. газ. 1979, 10. мар.

Уважаемая редакция!
Обращаюсь к вам с просьбой ответить на ряд интересующих меня вопросов. Признаюсь, что из того количества книг, которые я прочел, очень небольшую часть занимает фантастическая литература. Скажу сразу, я не противник фантастики и могу понять тех людей, кто увлекается ею. Но меня довлеет огромный интерес к ней, особенно среди молодежи. Ведь сейчас, пожалуй, трудно найти школьника или студента, который не знал бы имен «модных» фантастов.
Встречаются, правда, порой и такие «любители» этого жанра, кто при упоминании произведений классической или современной литературы только недоуменно пожмает плечами, выказывая тем самым свое пренебрежение. Поймите меня правильно, я не хочу обобщать и загонять всех сто-

ронников этого жанра в группу подобных «энтузиастов».
Поэтому меня интересует, во-первых: как фантастика может влиять на нашу сегодняшнюю действительность, на наше будущее? И во-вторых: насколько глубоко воплощаются проблемы наших дней в фантастике? Дело в том, что, например, для меня интереснее научно-популярная литература, где я вижу «быт» сегодняшней науки и техники, представляющей ее реальные возможности.
Поэтому так ли уж надо отпавляться в «тридевятье космическое пространство» в поисках ответов на вполне конкретные вопросы, не важнее ли находить их в нашем реальном мире?
Г. НИЛОВ
МОСКВА

ческом памфлете З. Юрьева «Быстрые сны».
В этой грандиозной и увлекательной работе созидания элементов будущего, где взволнованно, художественно ярко утверждаются одни варианты, и политически страстно отбрасываются другие, участвуют писатели многих республик и городов нашей страны: Александр Шалимов («Цена бессмертия»), для которого исследование космоса неразрывно связано с проникновением в тайны Земли, братья Стругацкие, последняя повесть которых «За миллиард лет до конца света» увлекает читателя в процесс познания мира. Ироничный В. Колупаев, лиричный Карэн Симонян и десятки других оригинальных и талантливых мастеров.

сотни и тысячи световых лет. Не удивительно, что такие сугубо гипотетические прикидки науки дали фантастам поистине благодатную почву. Произведения, описывающие грядущую реконструкцию обитаемых миров, исчисляются сотнями и могут быть выделены в специальный раздел футурологической фантастики дальнего прицела. К их числу относится и роман В. Михайлова, где научная проблематика ограничена «скромными» масштабами одной звезды — нестабильного солнца, термоядерный цикл которого контролируется по воле людей.
«Сторож брату моему» — типичный роман-исследование, где скрупулезному изучению подвергнуты краевые грани «сверхцивилизации»: харак-

невековая оболочка стала чуть ли не обязательной для любой звездной начинки. В. Михайлов почему-то счел необходимым отдать дань этому странному для меня поветрию.
Но как бы там ни было, а на среднестатистическом фоне «проходной» фантастики, где есть все необходимые элементы, кроме единственно главного — оригинальности, особенно заметны отдельные находки.
В этой связи хочется отметить сборники «НФ» издательства «Знание», где публикуются произведения «патентной чистоты», отличающиеся либо новизной научно-фантастической идеи, либо новым, зачастую парадоксальным ее освещением.

Писатель-фантаст размышляет о проблемах популярного литературного жанра.

Еремей
ПАРНОВ

НОВЫЕ ОРБИТЫ ФАНТАСТИКИ

В ЗЕМНЫХ ЗЕРКАЛАХ

Тонкий лирик и одаренный писатель-фантаст Вадим Шефнер написал прекрасное стихотворение, посвященное фантастике. Мне запомнилась заключительная строка: «Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья». Позволю себе не согласиться с этим. Фантастика действительно является зеркалом, причем параболическим, в котором, как в рефракторе телескопа, улавливается свет далеких звезд. Но это все же сугубо земное зеркало наших знаний и представлений о человеке и мире.
Фантастические рефракторы отлиты не из мертвого стекла, холодно и бездушно отражающего свет далеких созвездий. Они одухотворены жизнью, нетерпеливой, горячей, чуткой к добру и злу.

В свое время известный советский хирург профессор Н. Амосов заметил, что описанная в романе А. Белыева «Голова профессора Доуэля» операция стала вопросом морали, а не науки и хирургической техники. И отнюдь не случайно этические проблемы науки сделались объектом исследования в его научно-фантастическом романе «Записки из будущего». Ученый ищет свое отражение в «земных зеркалах»...

Писатель-фантаст — тоже. Как и ученый, он ставит эксперимент. Первая ненаписанная фраза многих произведений могла бы звучать так: «Что будет, если...» Порой на испытательных полигонах фантастики исследуются — по законам искусства — социальные аспекты наиболее радикальных, чреватых серьезными сдвигами научных идей. Но подчас возникают и сами идеи, дающие первоначальный толчок научной мысли. Не случайно создатели лазерной техники академики Н. Г. Басов и А. М. Прохоров вспоминали о «Гиперболоиде инженера Гарины» А. Толстого, а один из теоретиков голографии, член-корреспондент АН СССР Ю. Н. Денисюк, признавался, что его буквально заворочили фантастические разработки в рассказе «Тень Минувшего» И. Ефремова.

О роли фантастики в выборе главной цели своей жизни писал пионер звездоплазания К. Э. Циолковский. Книгой, оказавшей на него наибольшее влияние, была «Из пушки на Луну» Жюль Верна. На непреходящее влияние фантастики постоянно указывали и советские космонавты В. Шаталов, А. Леонов, Г. Титов, Б. Егоров, К. Феоктистов. Любил и очень хорошо знал произведения советской и зарубежной фантастики академик С. П. Королев. Он часто говорил, что с детства начал мечтать о Марсе. Вопреки скептическим выкладкам тогдашних популяризаторов науки, «вычисливших», что существующие виды топлива не могут сообщить ракете вторую космическую скорость, он верил в межпланетные сообщения. Мы знаем, во что материализовалась эта вера.

Вот почему с полным правом можно сказать, что с незримых полигонов фантастики берут начало дороги в неведомое. Большая их часть теряется в чистом поле или возвращается на круги своя, и лишь очень немногие приводят прямехонько в лабораторию, на испытательный стенд, на космодром. И хоть КПД такого процесса не очень высок, ошечка явственно стоит выделки.

Весьма показательно, что ни один серьезный разговор о перспективах НТР, ни одна пресс-конференция космонавтов уже не обходится ныне без экскурса в научную фантастику.

Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Г. М. Гречко заметил, в частности: «Меня и многих моих коллег в космос позвала фантастика. Без этой литературы мы, возможно, тоже стали бы инженерами. Но к созданию космиче-

ской техники мы не обратились бы. Не возникло бы такого, охваченного общим устремлением коллектива».

Питаюсь живительным соком научных идей, фантастика не перестает быть искусством. В отличие от науки, которая не удержимо ветвится, образуя все новые ячейки узкой специализации, она всякий раз стремится создать целостную картину мира, естественно, органично и почти незаметно перетекая в повседневную реальность.

Космический корабль, космонавт, астронавт, космический скафандр, невесомость — эти знакомые всем термины подарила научная фантастика. После полета Юрия Гагарина они навсегда вошли и в язык науки, и в повседневный, обиходный язык.

Фантасты предсказали спутник связи и голографию, атомную и нейтронную бомбу, лазер и гениую инженерию, существование «фридмонов» — элементарных частиц со скрытой массой и алмазов в Якутии. Но даже если бы не было на счету фантастов этих сбывшихся пророчеств или случайных угаданных черт грядущего, то и тогда социальная роль фантастики все равно была бы столь же высокой.

В идеале фантастика в художественной форме воплощает диалектический метод познания мира. Разумеется, речь идет о подлинной литературе, гуманистической по духу и первичной по замыслу, впервые открывающей неизвестные ранее стороны бытия. Отсюда и ее невиданная популярность. Ведь одни только клубы любителей фантастики, организованные во всех странах Европы, в том числе и социалистических, насчитывают 20 миллионов членов. Это своего рода авангард куда более многочисленной армии «неорганизованных», но не менее влюбленных в научную фантастику читателей.

Как и у науки, у научной фантастики есть свои «вечные» темы: путешествия во времени и пространстве, искусственный интеллект, внеземные цивилизации, принципиально иные формы жизни. Как и наука, научная фантастика раз за разом перечеркивает собственные решения, но никогда не закрывает тему. Последнее ей не только не присуще, но и не дано изначально, потому что задача фантастики — заполнять белые пятна на карте познания. Достигается это, конечно, сугубо индивидуальными методами, в зависимости от глубины эрудиции, широты охвата и, далеко не в последнюю очередь, таланта. И еще нужно время и штурм одной темы с самых разных сторон, чтобы добыть, наконец, крупицу оригинальной истины.

«ПРЕДВИДИМОЕ ЗАВТРА»

То, что принято называть «предвидимым будущим», рождается как своего рода совокупный продукт. Слово мозаика, составленная из элементов мироздания. Порой мы даже не задумываемся над тем, насколько наши представления о завтрашнем дне предопределены научной фантастикой, ее совокупным фоном. Парадоксально юморески В. Бахнова, затрагивающие коренные проблемы естествознания, или взволнованная антифашистская повесть новосибирского прозаика Г. Прашкевича «Мир, в котором я дома», где фантастика используется для заострения сюжета, — все это не только примеры поразительно многообразия жанра, но прежде всего попытки очертить границы предвидимого. Близкие и дальние рубежи.

То же можно сказать и о фантастическом романе Е. Войсунского и И. Лукодянова «Тлеск звездных морей», посвященном молодым первопроходцам венерианских трасс. И о пьесе В. Савченко «Новое оружие», и об остром полити-

Фантастика дает удивительный простор воображению. Нельзя упрекать писателя за якобы «ненаучность» послышки. Теория относительности запрещает путешествие в прошлое и движение материальных тел со скоростью света, однако сверхсветовые звездолеты давно уже сделали заезженным штампом. Фантастика, таким образом, уязвима с обеих сторон: литературной и научной. Поэтому так бросаются в глаза ее отдельные неудачи. В известном смысле это плата за раскованность. Ведь фантастике «дозволено» исследовать даже противоречивые очевидности вещи.

КЛИШЕ И ОТКРЫТИЕ

Сергей Снегов (повесть «Посол без верительных грамот») пользуется полным набором традиционных фантастических средств. В том числе и таких, которые запрещены известными нам законами природы. Здесь и погибший звездолет, «свободно меняющий структуру пространства и тем создающий себе сверхсветовую скорость», и существа небологической природы, вездесущие роботы, аннигиляторы и сакраментальная проблема контакта.

Но невзирая на такой, почти неприменный для очередного инопланетного действия режиссер, С. Снегов сумел создать оригинальное в самой своей основе произведение. Понимая, что для искусственного читателя последней четверти двадцатого века уже существует некий суммарный стереотип галактического будущего, С. Снегов даже постарался усилить ощущение ординарности описываемых ситуаций.

«Целеф» в семействе сверхсветовых кораблей... рядовой галактический лайнер. Задание, врученное команде, тоже не было чем-то необычным. Отклониться от освоенных космических трасс, посмотреть еще не изученные уголки вселенной, в общем, одинакового галактического пространства — что тут особенного?»

И вот на таком подчеркнутом клишированном фоне возникает неподдельно драматическая ситуация. «Уже не могущественный корабль... а безжизненный ящик мчался в темной пустоте. О панике экипажа свидетельствовали записи в бортовом журнале: и командир Сергеев, и штурман Борн пытались аварийным способом — чернильной пастой на бумаге — передать человечеству известие о беде. Но паста испарилась с листа, неведомая сила стирала наизавтра все написанное сегодня, лишь по вмятинам на страницах можно было как-то разобрать, о чем стремились поведать миру командир и штурман».

Привлекая «архаику» — бумагу и чернильную пасту, автор как бы перебрасывает зримый мостик от условно галактического мира к повседневному, и грозное неведомое обретает конкретные черты. Это характерный прием фантастики, подобный математическому допущению «от противного».

Картина галактического завтра человечества возникает перед читателем и в большом романе рижанина В. Михайлова «Сторож брату моему», где сделана попытка показать землян, управляющих самим течением звездных процессов. Однако и этот роман, начинающийся словами: «Я плохо помню день своих похорон, зато день гибели до сих пор перед глазами», — не выходит за рамки научных представлений сегодняшнего дня.

Ученые не только допускают вероятность существования цивилизаций с энергетическим потенциалом, соизмеримым с процессами, протекающими в ядрах галактик, но даже указывают на принципиальную возможность обнаружить следы инженерной деятельности, охватывающей пространство в

тер власти и управления, энергетический потенциал, цели и принципы освоения дальних рубежей.

Исдержки повествования зачастую проистекают от бездумной легкости, с которой многие фантасты используют привычный режиссер.

Средневековые рыцари, иеромонахи и первобытные охотники в романах о звездных скитаниях столь же привычны, как аннигиляторы, сверхсветовые скорости и нуль-транспортировка. И там, где для их появления нет социально обусловленной необходимости, они являют собой элемент взрывоопасный. Не только для художественной правды, но и для внешней экспозиции. Сюрреалистическое сращение разнородных элементов, допускаю, может способствовать созданию атмосферы странности, но лишь при условии, что сами элементы не кочуют из романа в роман.

В западной фантастике, да и не только в западной, сред-

нее непреходящее очарование.

Выступая на ноябрьском (1978 г.) пленуме ЦК КПСС, Л. И. Брежнев отметил: «Советский человек сейчас, как никогда раньше, политически грамотен и активен. Он законно предъявляет высокие требования к средствам массовой информации». Эти слова в полной мере относятся и к советской научной фантастике, литературе, читаемой миллионами и широко переводимой за рубежом.

Фантастике свойственно говорить о будущем. Именно это и сделало ее любимым жанром молодежи. Она стала ныне могучим средством воспитания, активным орудием прогресса. Лишь подход к научной фантастике как к уникальному явлению современной культуры позволяет понять, почему она оказалась столь притягательной и для школьников, и для студентов, и для серьезных ученых.